

В критический момент никто уже не обращал внимания на странность этого внезапного появления.

Медицинский персонал оперативно принес стерильные халаты, маски и перчатки. Лин Юй действовала привычно: ее движения были легкими и слаженными, она облачилась в форму в одно мгновение. Белоснежный халат делал ее фигуру еще более статной, а холодные, тонкие черты лица скрывались за маской, оставляя на виду лишь прозрачные и спокойные глаза. В них не осталось ни капли детской мягкости — только профессиональная, суровая сосредоточенность, свойственная врачу.

Многолетний опыт работы в исследовательских группах и дежурств в операционных впитался в ее подсознание, став инстинктом. Каждое движение было выверенным и уверенным — совсем не похоже на поведение шестнадцатилетней школьницы.

Профессор Чжан тоже переоделся. Его лицо выражало решимость — он уже вступил в бой.

Главный врач больницы, стоявший неподалеку, пришел в себя и поспешил подойти. В его глазах читалось почтение, но взгляд, упавший на Лин Юй, был полон сомнений и тревоги. Он понимал значимость профессора Чжана и осознавал, что участие столь выдающегося светила — это величайшая удача для пациента. Однако помощница, которая пришла вместе с профессором, казалась слишком юной.

На вид ей было от силы шестнадцать-семнадцать лет: нежные черты лица, изящная внешность — она выглядела как совсем неопытная девушка, и даже строгий белый халат не мог скрыть ее юности. Доверить роль ассистента профессора на такой сложной операции по восстановлению после множественных травм? Даже ведущие хирурги их отделения с многолетним стажем могли не справиться с таким темпом. Это казалось чистой воды ребячеством.

Главный врач сделал шаг вперед и, стараясь быть вежливым, но непреклонным, произнес:

— Профессор Чжан, эта операция требует высочайшей точности. Ткани сильно повреждены, допустимая погрешность крайне мала, нам нужен опытный ассистент.

Он указал на стоявшего позади него квалифицированного врача больницы, бросив на Лин Юй взгляд, полный нескрываемого недоверия:

— Может быть, пусть наш ведущий специалист поможет вам? Эта ученица выглядит слишком молодо, боюсь, она еще не участвовала в столь рискованных операциях. Боюсь, она не выдержит ритма и затянет процесс.

Между строк читалось главное: она не справится.

Су Мучэн, стоявшая за дверью, уже перестала плакать и теперь напряженно заглядывала в стеклянное окошко. Е Сю находился неподалеку; его тяжелый взгляд был намертво прикован к стройной фигуре в белом. Кончики его пальцев слегка сжались, а в душе проснулось

инстинктивное желание защитить ее. Его девочке всего шестнадцать, и какой бы талантливой она ни была, в глазах окружающих она всегда будет слишком юной и достойной пренебрежения.

Но прежде чем Лин Юй успела что-то ответить, профессор Чжан заговорил первым. Его голос звучал твердо и уверенно, в нем слышалась особая привязанность и нерушимая вера в свою ученицу. Он открыто встал на ее защиту. Профессор бросил на главного врача холодный взгляд и отчетливо произнес:

— Не нужно. Она — моя самая талантливая и выдающаяся ученица. В масштабах всей страны нет никого лучше нее в восстановлении мелких сухожилий кисти и микрохирургическом сшивании мягких тканей. Все специалисты вашего отделения вместе взятые вряд ли превзойдут ее в этой узкой специализации.

После этих слов воцарилась тишина. Профессор Чжан никогда не бросал слов на ветер и не имел привычки льстить своим ученикам. Столь высокая оценка из уст этого строгого и справедливого титана медицины звучала весомо и пугающе.

Главный врач остолбенел. Его сомнения застыли на лице, сменившись полным недоумением. Он не мог поверить, что такая юная, почти детская на вид девушка обладает профессиональными навыками, превосходящими способности старших врачей больницы.

Профессор Чжан, сохраняя невозмутимость, добавил с абсолютной уверенностью:

— Самая сложная часть этой операции — не остановка крови, а сохранение функций кисти, предотвращение спаек и восстановление микроскопических повреждений сухожилий. В этом она работает точнее и аккуратнее, чем я. С ней в качестве ассистента шансы на успех этой операции максимальны. Никто другой не сравнится с ней.

Полное подавление, полное признание.

В глазах других она была лишь несмышленым ребенком. В глазах профессора — самостоятельным, незаменимым мастером своего дела.

Лин Юй стояла в стороне, спокойная и сосредоточенная, без тени высокомерия или гордыни. Она не злилась из-за публичных сомнений, не кичилась похвалой наставника. Она лишь слегка подняла взгляд на главного врача и произнесла ровным, холодным, профессиональным тоном:

— Время не ждет. Чем дольше поврежденные ткани остаются без внимания, тем выше риск спаек сухожилий. Начинаем операцию.

Без лишних оправданий, одной лишь профессиональной уверенностью она подавила все возражения. Главный врач, охваченный чувством стыда, поспешно отошел в сторону. В его душе не осталось ни капли пренебрежения — лишь потрясение и глубокое уважение. Оказывается, гениальность действительно способна преодолевать возраст и время.

За дверями коридора Е Сю молча наблюдал за девушкой в белом халате, от которой исходила такая уверенность и сила. Его сердце было переполнено смесью горечи и гордости. Три года они не виделись. Та маленькая девочка, которая когда-то держалась за край его одежды, мило капризничала и во всем полагалась на него, давно выросла. Теперь она облачена в белый халат, владеет искусством врачевания, холодна, спокойна и умеет скрывать свою остроту. Даже когда ее подвергают сомнению, она сохраняет самообладание, опираясь на собственную внутреннюю силу.

Раньше он оберегал ее от всех невзгод. Теперь же она, овладев высшим мастерством, стоит у главного операционного стола, чтобы защитить его самого близкого друга и его самую чистую юношескую мечту.

Двери операционной медленно закрылись, отрезая коридор от происходящего внутри. Загорелся мертвенно-белый свет, освещая две фигуры — старого и молодого врачей, стоящих плечом к плечу. Сложная операция, призванная повернуть судьбу вспять и спасти мечту, началась.

Более десяти часов изматывающей, высокорискованной микрохирургической операции подошли к концу. С полудня, через сумерки и до глубокой ночи, эти десять с лишним часов борьбы выжали из всех присутствующих в операционной последние силы.

Бестеневые лампы погасли. Тяжелые двери операционной медленно отворились. Профессор Чжан вышел первым; его плечи были напряжены, а глаза подернуты тяжелой усталостью. Даже для такого ветерана медицины сочетание ежедневной преподавательской нагрузки и столь сложной операции оказалось тяжелым испытанием.

Следом вышла Лин Юй. Она была истощена до предела. Шестнадцатилетняя девушка более десяти часов простояла на ногах, ни разу не отодя от стола. Пряди волос на лбу пропитались холодным потом, лицо было бледным, но спина оставалась прямой. Маска оставила на коже красные следы, и только глаза, утратившие прежнюю резкость, светились тишиной и умиротворением. Кончики ее пальцев ныли, руки давно онемели, но за эти десять с лишним часов она ни разу не ошиблась, обеспечивая идеальную точность в сшивании, очистке ран и восстановлении нервов.

Коридор погрузился в ночную тишину, больница затихла. Двое, прождавшие здесь целые сутки, вскочили со скамьи, их глаза были полны тревоги и надежды. Су Мучэн, чьи глаза опухли от слез, бросилась вперед, ее голос дрожал:

— Профессор! Как мой брат?

Е Сю, все это время молча сидевший у стены, тоже резко поднял голову. Десять с лишним часов мучительного ожидания почти выпили из него все соки. Его глаза были красными от лопнувших сосудов, лицо выражало невыносимую усталость. Все накопленные за эти дни страх и беспомощность теперь были сосредоточены в одном взгляде, устремленном на вышедших

врачей.

Профессор Чжан перевел дыхание, подавляя усталость, и произнес то единственное, что было важнее всего:

— Операция прошла успешно. Все внешние повреждения и разрывы устранены. Самое главное — сухожилия, нервные окончания, мягкие ткани и сосуды обеих рук полностью сохранены. Нет ни спаек, ни атрофии, ни смещений. Функции кистей восстановлены, и никаких осложнений не будет. Он сможет нормально двигаться и тренироваться в будущем.

Эти слова прорезали тьму ночи, словно луч света. Су Мучэн обессиленно опустилась на пол; все напряжение дня вырвалось наружу потоком слез — это были слезы облегчения. Его руки, с помощью которых он шел к своей мечте, спасены. Автокатастрофа не отняла у него его страсть.

Е Сю, все это время не размыкавший рук, внезапно пошатнулся. Его пальцы, до побеления сжатые в кулаки, медленно разжались. Огромный камень упал с его плеч, а в мертвом взгляде наконец появилась искра жизни. Хорошо. Все хорошо. Его Муцю, его единственный близкий друг юности, его брат, с которым они вместе гнались за мечтой, не останется инвалидом и не потеряет дела всей своей жизни.

Но прежде чем все успели выдохнуть, профессор Чжан изменил тон на более тяжелый:

— Но сильнейший удар во время аварии привел к серьезной черепно-мозговой травме. Из-за слишком долгого накопления внутричерепной гематомы возникло обширное подавление мозговой активности. Сейчас жизненные показатели стабильны, органы и конечности в порядке, раны зажили, но пациент впал в состояние посттравматической комы. Он без сознания, не реагирует на внешние раздражители и не может прийти в себя.

В холодном коридоре воцарилась гробовая тишина. Только что оттаявшая атмосфера вновь была скована отчаянием. Плач Су Мучэн оборвался — она стояла, ошарашенная, с глазами, полными слез и растерянности. Жизнь спасена, руки спасены, но ее брат погрузился в глубокий сон.

Главный врач, стоявший рядом, с содроганием пробормотал:

— Это было так рискованно! Масштаб травм, кровотечение, повреждение нервов — при нашем уровне мы бы просто не дотянули до финала. Если бы не профессор Чжан и ваша студентка, которые точно скорректировали план операции и стабилизировали показатели пациента, он бы точно не пережил критический период. Вы буквально вырвали его из лап смерти!

Он жив, но это долгий и бесконечный сон. Профессор Чжан посмотрел на потерянных детей и, смягчив тон, дал им единственную надежду:

— Такое состояние не навсегда. Нервная система мозга просто временно заблокирована, она не отмерла, и возможность пробуждения есть. Единственный способ лечения сейчас — длительная и постоянная внешняя стимуляция. Разговаривайте с ним, рассказывайте о

прошлом, обо всем, что ему дорого, о вашей игре, о повседневных мелочах. Нужно постоянно будить его память. Его слух и восприятие работают, он слышит всё, просто не может ответить. Терпеливое присутствие и стимуляция — его единственный шанс.

Долго, мучительно, неясно, но свет в конце туннеля все же есть.

Лин Юй сделала шаг вперед, отбросив усталость, и посмотрела на Е Сю, который был на грани срыва. Ее голос звучал чисто, уверенно и твердо:

— Я временно отложу все свои исследования и проекты в университете, останусь здесь, чтобы следить за реабилитацией. Я составлю специальную программу физиотерапии и нейростимуляции, которая в сочетании с ежедневным общением максимально ускорит вероятность его пробуждения.

Спустя три года она преодолела тысячи миль, чтобы спасти его брата и защитить его веру. Теперь она добровольно готова остановить ход своей собственной жизни, чтобы остаться и пройти вместе с ним через это бесконечное ожидание.

Е Сю поднял взгляд на стоящую перед ним девушку — статную, с нежным, но решительным лицом. Свет падал на ее холодные, изящные черты, в которых больше не было детской наивности — лишь спокойствие и твердость. Десять с лишним часов она сражалась плечом к плечу с учителем, чтобы спасти самого дорогого ему человека, а теперь без колебаний остается рядом, чтобы взять на себя все невзгоды.

Тысячи слов застряли у него в горле, смешиваясь с горечью, благодарностью и теплом, которое он так давно не чувствовал. Наконец, он произнес лишь хриплый, тихий шепот, пропитанный усталостью:

— Сяо Юй, спасибо тебе.

<http://bllate.org/book/22386/2348749>